

ВООБРАЖАЕМОЕ И РАЦИОНАЛЬНОЕ: ОТ НАУЧНЫХ ТЕОРИЙ К СОЦИАЛЬНОМУ ПОРЯДКУ

Ерохина Елена Анатольевна,

доктор философских наук, доцент,

ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН,

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

ORCID: 0000-0003-1513-4557

Author ID (РИНЦ): 319604

SPIN-код (РИНЦ): 5329-6401

leroh@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу воображения как философского и социологического концепта, сыгравшего значимую роль в развитии социальной теории в середине XX века. Исследуя предпосылки противоречивых отношений между наукой и обществом, нетрудно обнаружить связь между развитием науки и социальными изменениями. В настоящее время общепринятым является представление, что научные теории, в том числе социальные, посредством трансфера идей преобразуют социальный порядок и, напротив, социальные практики преобразуют знание о мире. В статье доказывается, что воображение играет в этом процессе ключевую роль. Экскурс в теорию идей раскрыл связь воображения с иррациональным и опытным знанием. Автор статьи обращается к работам П. Бергера и Т. Лукмана, К. Касториадиса и Ч. Тэйлора, которые показали прямую связь между теоретическими представлениями и миром «социального воображаемого», коллективным воображаемым и социальными изменениями. Благодаря воображению впервые в истории человечества общество не рассматривает социальный порядок как нечто неизменное. Представлены методологические кейсы, иллюстрирующие специфическую роль концепта «воображение» как источника формирования новых исследовательских стратегий, позволяющих по-новому посмотреть на проблему национализма (социальный конструктивизм) и на исследование общественных ожиданий от внедрения технологических инноваций (STS). Работа Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества» на десятилетия предопределила интерес исследователей национализма к социальному воображению и основанным на нем коллективным представлениям о национальной идентичности современных обществ, их истории и географии. Исследование Шейлы Джасанов и Сан-Юн Кима сформировало новый трек исследования науки как коллективного продукта общественных ожиданий воображаемого социально-

го порядка, воплощенного в технологических проектах. Делается вывод о противоречивом характере основанных на коллективном воображении социальных ожиданий: с одной стороны, они усиливают авторитет науки в обществе, с другой стороны, они провоцируют рост негативных ожиданий от внедрения научных открытий. Обосновывается мнение о том, что воображение является эффективной инструментом оценки рисков внедрения инноваций.

Ключевые слова: воображаемое, рациональное, трансфер идей, наука, социальная теория, социальный порядок, коллективные представления.

Библиографическое описание для цитирования:

Ерохина Е.А. Воображаемое и рациональное: от научных теорий к социальному порядку // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 4, ч. 1. – С. 168–179. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-168-179.

Парадоксом развития современной цивилизации является противоречивое отношение общества к одному из фундаментальных институтов его современного развития – к науке. С одной стороны, появление цифровых и биомедицинских технологий провоцирует завышенные ожидания общества, предъявляющего к науке всё более высокие требования. С другой стороны, усиление тревоги и беспокойства по поводу бесконтрольного внедрения результатов научных открытий в повседневную жизнь способствует росту критического отношения к работе ученых.

В работах американского социолога Р. Мертона показаны причины этого парадоксального явления. Мертон утверждает неизбежность общественных конфликтов, порождаемых наукой в результате ее вторжения в сферу контроля других институтов [7, с. 780, 781]. Вместе с тем наука демонстрирует обществу функциональную эвристичность рационального подхода для целей социального прогнозирования.

Сам концепт рациональности, несмотря на интуитивную очевидность его значения, является философской проблемой. В настоящей статье обсуждается роль воображения в социальном познании, в научных теориях и в социальных представлениях, в прогнозировании.

Интерес к воображению как к объекту научного анализа и методу научного исследования усиливается в XX веке по мере развития методологического плюрализма в социогуманитарном знании. Исследование воображения представляет собой в настоящее время междисциплинарную область на стыке социальной философии и эпистемологии науки, отрасли философского знания, где дискутируется ее влияние на трансформацию социального порядка.

Задача осмысления роли науки в современном обществе остается по-прежнему актуальной. Способна ли наука ответить на вызовы будуще-

го, предложить решение глобальных проблем, в том числе созданных самим человеком? Что нового для понимания роли науки в современных трансформациях дает нам концепт социального воображения? По мнению Б.Г. Юдина, глобальные вызовы ставят науку перед необходимостью нового союза с философией как формой экспертного знания, основанной на актуализации творческого воображения и неустранимости этического содержания из экспертных процедур [10, с. 82].

В настоящей статье на примере двух кейсов будет показано, как интерес к роли воображения в познании и социальной практике предопределил становление новых методологий, объясняющих принципы трансфера научных идей в практики повседневности. Интерес к науке как источнику социальных изменений оказался продуктивной научной стратегией для исследования национализма и STS. В качестве концепта, наиболее адекватно передающего в переводе с английского языка смысл понятия *imaginary*, мы будем использовать категорию *воображаемое*. В англоязычной социологической литературе это понятие используется, как правило, во множественном числе.

Необходимо также иметь в виду разницу в оптике исследования, а именно методологический индивидуализм аналитической философии и определенный холизм континентальной философии. Указанное противоречие разрешимо в рамках социального конструктивизма, объясняющего, как в повседневной социальной практике субъективные значения становятся элементами объективной фактичности [2, с. 35, 36].

Воображаемое между Сциллой субъективизма и Харибдой псевдорациональности

К. Поппер в работе «Логика научного исследования» для проведения границы между психологией и логикой познания утверждал, что акт создания теории не нуждается в логическом анализе, да и не подвластен ему. «В соответствии со сказанным я буду четко различать процесс создания новой идеи, с одной стороны, и методы и результаты ее логического исследования – с другой. Что же касается задачи логики познания, в отличие от психологии познания, то я буду исходить из предпосылки, что она состоит исключительно в исследовании методов, используемых при тех систематических проверках, которым следует подвергнуть любую новую идею, если мы отнесемся к ней серьезно» [8, с. 27]. Здесь Поппер обращается к авторитету А. Эйнштейна, утверждавшего, что не существует логического пути к открытию универсальных законов: «Они могут быть получены только при помощи интуиции, основанной на феномене, схожем с интеллектуальной любовью к объектам опыта» [8, с. 28].

Решая проблему преодоления субъективизма в научном познании, Поппер провел различие между открытием как субъективной и обоснованием как объективной, основанной на интерсубъективной проверке, сторонами научного исследования. «Я достаточно точно выражу свою точку зрения, сказав, что каждое открытие содержит “иррациональный элемент” или “творческую интуицию” в бергсоновском смысле» [8, с. 28]. Если открытие иррационально по своей природе, то обоснование доступно логике и реконструкции рациональными средствами.

С критикой Поппера выступал Т. Кун, подчеркивая важность субъективного в познании [5, с. 219, 220]. Кун связал логику открытия с мотивацией ученых как членов научного сообщества. «Нет никакого нейтрального алгоритма для выбора теории, нет систематической процедуры для принятия решения, правильное применение которой привело бы каждого индивидуума данной группы к одному и тому же решению. В этом смысле скорее именно сообщество специалистов, а не его индивидуальные члены дают эффективное решение» [5, с. 298]. Он обратил внимание на тот факт, что вопрос выбора парадигмы «не может быть облечен в форму, которая полностью была бы идентична логическому или математическому доказательству» [5, с. 297]. Однако, несмотря на интерес аналитических философов к роли интуиции в познании, ее непосредственная связь с чувственным и иррациональным удерживала последователей строгих логических методов в рамках сциентизма. Отвечая на критику своих коллег по цеху, Поппер обосновывал свою точку зрения необходимостью демаркации науки от других систем знания. Легкость, с которой интуиция преодолевает границы рационального, не позволила воображению стать значимой для аналитической философии проблемой.

Совсем иначе дело обстояло в континентальной философии. Здесь интерес к воображению и его продуктам был подготовлен феноменологией Э. Гуссерля, философией жизни А. Бергсона, экзистенциализмом Ж.-П. Сартра. По мнению Ю.С. Магомедовой, истоки имажинативного поворота в философии следует искать еще у И. Канта, рассматривающего воображение как способность, которая оказывается решающей для процессов мышления, знание трактуется им как «синтез чувственности и рассудка в деятельности воображения» [6, с. 445].

Весомый вклад в исследование творческой роли воображения внесла работа П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности», объяснившая взаимосвязь между знанием и социальной реальностью [2]. Предложенный ими подход открыл перспективы изучения коллективного воображения и влияния его продуктов на социальный порядок.

В исследованиях французского социолога К. Касториадиса воображение – это непрерывный творческий акт, предпосылка всякого рациональ-

ного представления. В его концепции оппозиция «воображаемое – рациональное» утрачивает бинарность, приобретая значение целого и части. Воображаемое, по Касториадису, является важной составляющей любого общества. Оно позволяет ответить на фундаментальные вопросы: что есть я? что такое человек? кто мы? каков мир вокруг нас? [4, с. 150, 151].

Воображаемое как творческий процесс не «открывает» реальность, а создает ее. «Афиняне не обнаружили демократию среди других диких цветов, растущих на Пниксе... И тем более они не “открыли” эти институты в небесной сфере идей после изучения всех форм правления, извечно представленных и по порядку распределенных на небесных витринах. Они создали нечто оказавшееся жизнеспособным в данных обстоятельствах, которые, в свою очередь, претерпели изменения под воздействием созданных институтов, чье “присутствие” в истории... неоспоримо» [4, с. 150].

Современный мир, по его мнению, пытается довести рационализацию до абсурдного предела, в результате чего его жизнь обнаруживает настолько высокую степень подчиненности воображаемому, что не имеет себе равных ни в одном из предшествующих исторических периодов. Псевдорациональность современного мира становится очевидной, когда она полагает саму себя в качестве цели. Искусственный характер потребления, утратившая меру автономизация техники, фабрикация потребностей – всё это черты доминирования воображаемого в экономике. Так называемая рациональная организация обнаруживает черты систематического бреда. «Уподобление человека вещи... не в меньшей, а в большей степени принадлежит сфере воображаемого, чем желание видеть в нем сову, поскольку реальное сходство человека с совой несравненно большее, чем его сходство с машиной» [4, с. 177].

Как и Касториадис, канадский ученый Ч. Тэйлор придает чрезвычайно важное значение социальному воображаемому. Это тот социальный клей, который делает возможным социальные нормы и основанные на них практики. Социальная воображаемость – это то, как люди представляют себе свое существование в обществе, взаимодействие с другими его членами, свои ожидания от него и нормативные предписания, основанные на них [9].

Тэйлор различает понятия социальной воображаемости и социальной теории. Между ними происходит сложный процесс взаимовлияния, в котором мир «социального воображаемого» питается теоретическими представлениями, созданными интеллектуалами. Выходя за пределы теоретического знания, эти представления получают широкое распространение, воздействуя на государство, образование и даже религию.

Не вызывает удивления скорость, с которой общество инкорпорирует технические достижения современной цивилизации. Однако ученые-

гуманитарии – этнологи, социологи, антропологи, социальные эпистемологи – нередко высказывают удивление в отношении ассимиляции социальных теорий и элементов гуманитарного знания, например, в религиозные практики и структуры традиционных верований, рассматриваемых еще недавно как исключительный объект исследования социального воображаемого. По мере включения гуманитарных и социальных наук в процесс производства символов политического, религиозного и гражданского характера грань между научным и экспертным знанием стирается. На ком же лежит ответственность за ту легкость, с которой преодолевается прочерченная К. Поппером граница между научной и ненаучными системами знания?

Воображаемое сообщество и экспертное знание

Проблема социального трансфера научных знаний в социальные практики, в том числе в практики управления, выходит на первый план в исследованиях социологов в конце XX – начале XXI века. Немалую роль в формировании методологических предпосылок концепции социального воображаемого применительно к исследованию роли науки в социальном управлении сыграли исследования в рамках критической теории Франкфуртской школы – работы М. Фуко и Э. Саида.

Примечательно, что именно в области политической социологии концепт воображаемого ждала счастливая судьба. Первым к исследованию национализма его применил Бенедикт Андерсон в работе «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма». В ней автор определяет нацию как воображаемое политическое сообщество, которое отличается от реальных тем, что его члены никогда не будут знакомы друг с другом. Однако сходная траектория жизненного пути, чувство одновременности проживания одних и тех же значимых событий, горизонт вечности, к которой устремлены последователи национализма как квазирелигии, формируют чувство горизонтального товарищества, дающее силу патриотизму и преданности абстрактным ценностям: Родине, Отечеству, Отчизне.

Сакральное воображение, унаследованное национализмом от больших религиозных систем древности и Средневековья, наделяет такие сообщества чувством общности, позволяющим преодолевать фактическое неравенство и взаимную эксплуатацию его членов. «Почему мы здесь вместе?» – спрашивают герои его книги. По мнению ее автора, ощущение братства легитимирует те жертвы, которые приносит сообщество во имя нации. Символом одной из таких жертв является Неизвестный солдат, чья могила выступает свидетельством безымянного подвига во имя ее будущего. В конечном счете национализм как гражданская религия оказывается тем

социальным клеем, который собирает атомизированных индивидов эпохи капитализма, привнося в их жизнь смысл, отчужденный безличными отношениями.

Андерсон показывает, как под влиянием научных идей происходит трансформация социального порядка, на примерах переписи, картографирования и музейной деятельности. В случае с переписью происходит присваивание национальных номинаций гражданам в соответствии с представлениями, сформированными воображением этнографов. Число народов, учитываемых при переписи, зависит от списков, которые составляли органы государственной статистики по их рекомендациям. Из большого списка этнонимов-самоназваний группируется определенное число этнических групп. Поэтому неудивительно, что число народов от переписи к переписи изменяется, а сами номенклатурные перечни не совпадают. Кроме того, отношение власти к номенклатуре переписи характеризуется требованием однозначности. Замысел переписи состоит в том, чтобы каждый, кто попал в нее, имел одну номенклатурную национальность [1, с. 186, 187].

Историческое сознание подвергается музеефикации. Музейные фонды и экспозиции содержат подлинные артефакты, атрибутированные в соответствии с требованиями исторической науки. В то же время наследие призвано репрезентировать эпохи и народы, тем самым неизбежно влияя на формирование этнонационального воображения.

Усилиями географов картографирование становится политическим инструментом давления на соседей в территориальных спорах. Как и в случае с этнографическим воображением, пространственное мышление мобилизует групповую идентичность, опираясь на мгновенно узнаваемые образные стереотипы. Некоторые из них (гербы, неофициальные символы стран, логотипы) глубоко внедрились в массовое сознание благодаря «печатному капитализму». Бесконечный перенос легко узнаваемых символов на плакаты, обложки учебников и журналов, официальные печати визуализирует эту идентичность. Особое место в этом ряду занимают карты-логотипы государств.

Происхождение карты-логотипа Андерсон связал с привычкой имперских государств окрашивать свои колонии на карте в имперский цвет. Окрашенная таким образом, каждая колония представала как отдельный кусочек составной картинки-загадки. Когда такой эффект вошел в моду, «кусочек» мог быть отделен от своего географического контекста: линий широты и долготы, названий мест, условных знаков, обозначающих реки, моря и горы, и, наконец, соседей. Логотип карты предстает перед воображением как чистый символ зарождающегося национализма [1, с. 193].

Если в пространственно-временной картине мира древности и Средневековья образ государства предстал в сакральных терминах, то в светском

дискурсе, где происходит взаимообмен научных и повседневных знаний, его географические образы имеют множество репрезентаций: от политико-административных до художественных. Для населения, идентифицирующего себя со «страной» на основании связи с территорией и принадлежности к государству, они наполняются силой эмоционального чувства, проистекающего из осознания личной включенности в судьбу страны.

Социотехническое воображение и коллективное ожидание будущего

Социогуманиарное знание нередко становится предметом нападок со стороны представителей точных и естественных наук за описательность и приблизительность. Имплицитно предполагается, что естественные и точные науки располагают наиболее строгой и поэтому самой совершенной методологией научного исследования. Впрочем, в период пандемии COVID-19 биомедицинские исследования и цифровые технологии стали подвергаться критике еще в большей степени, нежели еще недавно гуманитарные и социальные науки.

Следующий кейс, позволяющий пролить свет на усилившийся интерес к проблеме социотехнического и биотехнологического воображаемого, представлен социологией науки и технологий (STS). Квинтэссенцией исследовательского тренда на изучение трансформации социальных норм под влиянием технологического прогресса является сборник «Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power» (2015) под редакцией Шейлы Джасанов и Сан-Юн Кима [12]. Коллективная монография включает в себя ряд эмпирических кейсов, которые демонстрируют, каким образом представления о социотехнических инновациях изменяют политические системы. Согласно предлагаемому редакторами определению социотехнической воображаемости есть коллективное видение желаемого будущего, вдохновленное технологическими достижениями [12, с. 322, 323]. Технология при таком подходе оказывается не столько продуктом воображения, сколько ресурсом конструирования нового социального порядка.

Широкий социокультурный контекст, в который включено, по мысли ученых, производство научного знания, содержит множество взаимосвязанных треков: идеи и технологические артефакты, системы власти и социальные институты, идентичность и дискурсивные стратегии. Этот контекст характеризуется неизвестной прежде ориентацией на участие общества в научных открытиях, скорейшее внедрение инноваций, влияние на ученых и власть.

На роль парадигмы, объясняющей значение трансфертов между наукой и социальными практиками, претендует и концепция «зон обмена»

Питера Галисона [11]. Если Галисон использовал этот антропологический концепт как метафору для описания процесса взаимодействия представителей разных научных дисциплин, то его последователи обращаются к ней для исследования стратегий взаимодействия ученых, политиков и общественности в ситуациях, при которых научное знание используется в практическом решении проблем.

Ученые, и особенно философы, ставят вопрос о вненаучных зонах обмена как местах встречи экспертов и профанов – представителей общества и власти, далеких от понимания научных истин, но при этом испытывающих на себе последствия внедрения инноваций. Однако в реальной жизни фактом остаются трудности на пути взаимного сближения его участников. Российский исследователь А.М. Дорожкин предлагает классификацию зон обмена, используя метафору тоннеля, который роют с двух сторон [3, с. 22]. Помимо галисоновской, это еще гумбольдтовская трейдинг-зона, под которой понимается университет, где тоннель роется профессорами при активном содействии студентов, а также негумбольдтовская зона обмена, где общество порой не понимает, почему оно должно содействовать его прокладке.

Среди объективных причин последней ситуации есть факторы, обусловленные как природой самого научного знания (например, невозможность отказаться от использования языка научных терминов для простоты высказывания), так и характером общественных связей (например, известный консерватизм общества и склонность государства поддерживать те экспертные институты, которые оно способно удерживать под своим влиянием).

Тем не менее стоит согласиться с Б.Г. Юдиным в том, что по мере развития научно-технического прогресса и появления новых парадигм человеческого развития будут возникать этические дилеммы, необходимость разрешения которых уже не за горами. Неустранимость этического содержания из всех экспертных процедур предполагает глубокий антропализм, возможность услышать мнение всех сторон вне зависимости от степени веса каждого из участников [10, с. 81]. Риски внедрения социотехнических инноваций требуют широкой общественной экспертизы и поиска методов их оценки. Стратегией такого поиска является социальное воображение и прогнозирование последствий их продвижения.

Противоречивый характер основанных на коллективном воображении социальных ожиданий особенно ярко проявился в период пандемии COVID-19. С одной стороны, необходимость ответить на вызов, брошенный природой, усилила авторитет науки в обществе. С другой стороны, рост негативных ожиданий от внедрения научных открытий спровоцировал отказ от вакцинации многих групп населения. Таким образом, развер-

нутый анализ роли социального воображения в трансфере идей, существующем между социальными теориями и социальными практиками, вносит вклад в концептуальную разработку процедур гуманитарной и социальной экспертизы проектов человеческого развития и внедрения социотехнических инноваций.

Литература

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева. – М.: Кучково поле, 2001. – 288 с.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / пер. с англ. Е.Д. Руткевич. – М.: Меднум, 1995. – 323 с.
3. *Дорожкин А.М.* Проблемы построения и типологии зон обмена // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 54, № 4. – С. 20–29.
4. *Касториadis К.* Воображаемое установление общества / пер. с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. – М.: Гнозис: Логос, 2003. – 480 с.
5. *Кун Т.* Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова. – М.: АСТ, 2020. – 320 с.
6. *Магомедова Ю.С.* Предпосылки имажинативного поворота в неопрагматической этике // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 2, ч. 2. – С. 445–457.
7. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е.Н. Егоровой и др. – М.: АСТ: Хранитель, 2006. – 873 с.
8. *Поппер К.* Логика научного исследования: пер. с англ / под общ. ред. В.Н. Садовского. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 565 с.
9. *Тэйлор Ч.* Что такое социальное воображаемое? // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2010. – № 1 (69). – С. 19–26.
10. *Юдин Б.Г., Пронин М.А., Синеокая Ю.В.* Философия как экспертиза // Философский журнал. – 2017. – Т. 10, № 2. – С. 79–96.
11. *Galison P.* Trading Zone. Coordinating Action and Belief // The Science Studies Reader / ed. by M. Biagioli. – New York: Routledge, 1999. – P. 137–160.
12. *Jasanoff Sb.* Imagined and Invented Worlds // Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power. – Chicago; London: University of Chicago Press, 2015. – P. 321–342.

The article was received on 26.06.2021.

The article was reviewed on 02.08.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-168-179

IMAGINARY AND RATIONAL: FROM SOCIAL THEORY TO SOCIAL ORDER

Erokhina Elena,*Dr. of Sc. (Philosophy),**Leading Researcher,**Institute of Philosophy and Law SB RAS,**8 Nikolaeva Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

ORCID: 0000-0003-1513-4557

Author ID (PIHLI): 319604

SPIN-код (PIHLI): 5329-6401

leroh@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of imagination as a philosophical and sociological concept that played a significant role in the development of social theory in the middle of the 20th century. Exploring the premises of the contradictory relationship between science and society, it is easy to find a connection between the development of science and social change. Currently, it is generally accepted that scientific, including social theories, through the transfer of ideas, transform the social order and, on the contrary, social practices transform knowledge about the world. The article proves that imagination plays a key role in this process. An excursion into the theory of ideas reveals the connection between imagination and irrational and experiential knowledge. The author of the article refers to the works of P. Berger and T. Luckmann, C. Castoriadis and C. Taylor, who showed a direct connection between theoretical ideas and the world of "social imaginary", collective imaginary and social changes. For the first time in the history of mankind, thanks to imagination, society does not see the social order as something immutable. Methodological cases are presented that illustrate the specific role of the concept of imagination as a source of the formation of new research strategies that allow for a new look at the problem of nationalism (social constructivism) and the study of public expectations from the implementation of technological innovations (STS). For decades, Benedict Anderson's work "Imagined Communities" predetermined the interest of researchers of nationalism in social imagination and the collective ideas based on it about the national identity of modern societies, their history and geography. The research of Sheila Jasanoff and Sang-Hyun Kim has formed a new track for the study of science as a collective product of public expectations of an imaginary social order, embodied in technological projects. The conclusion is made about the contradictory nature of social expectations based on collective imagination: on the one hand, they strengthen the authority of science in society, on the other hand, they provoke the growth of negative expectations from the introduction of scientific discoveries. The article substantiates the opinion that imagination is an effective tool for assessing the risks of introducing innovations.

Keywords: imaginary, rational, transfer of ideas, science, social theory, social order, collective representations.

Bibliographic description for citation:

Erokhina E.A. Imaginary and Rational: From Social Theory to Social Order. *Idei i idealy* = *Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 4, pt. 1, pp. 168–179. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-168-179.

References

1. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. London, New York, Verso, 1991 (Russ. ed.: Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva: razmysleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma*. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2001. 288 p.).
2. Berger P.L., Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality : A Treatise on sociology of Knowledge]. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p. (In Russian).
3. Dorozhkin A.M. Problemy postroeniya i tipologii zon obmena [Design and Typology Problems of Trading Zones]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* = *Epistemology and Philosophy of Science*, 2017, vol. 54, no. 4, pp. 20–29.
4. Castoriadis C. *L'institution imaginaire de la société* [The Imaginary Institution of Society]. Paris, Éditions du seuil, 1975 (Russ. ed.: Castoriadis C. *Voobrazhaemoe ustanovlenie obshchestva*. Moscow, Gnosis Publ., 2003. 480 p.).
5. Kuhn T.S. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago, University of Chicago Press, 1970 (Russ. ed.: Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsii*. Moscow, AST Publ., 2020. 320 p.).
6. Magomedova J.S. Predposylki imaginativnogo povorota v neopragmaticheskoi etike [Preconditions for the Imaginative Turn in Neo-Pragmatic Ethics]. *Idei i idealy* = *Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 2, pt. 2, pp. 445–457.
7. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow, AST Publ., 2006. 873 p. (In Russian).
8. Popper K. *Logika nauchnogo issledovaniya* [The Logic of Scientific Research]. Moscow, AST Publ., 2010. 565 p. (In Russian).
9. Taylor C. Chto takoe sotsial'noe voobrazhaemoe? [What Is the Social Imaginaty?]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture* = *Debates on politics and culture*, 2010, no. 1 (69), pp. 19–26. (In Russian).
10. Yudin B.G., Pronin M.A., Sineokaya Yu.V. Filosofiya kak ekspertiza [Philosophy as Expert Examination]. *Filosofskii zhurnal* = *Philosophy Journal*, 2017, vol. 10, no. 2, pp. 445–457.
11. Galison P. Trading Zone. Coordinating Action and Belief. *The Science Studies Reader*. Ed. by M. Biagioli. New York, Routledge, 1999, pp. 137–160.
12. Jasanoff Sh. Imagined and Invented Worlds. *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power*. Ed. by Sh. Jasanoff, S.-H. Kim. Chicago, London, University of Chicago Press, 2015, pp. 321–342.

The article was received on 26.06.2021.

The article was reviewed on 02.08.2021.